

2014 — год 150-летнего юбилея

Императорского Московского археологического общества (1864 г.)

Для развития и популяризации археологических знаний 2014 год является знаменательным — в 1864 г. создано Императорское Московское археологическое общество (МАО), в деятельности которого большую роль сыграли два его председателя Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884), выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, инициатор проведения археологических съездов¹, и Прасковья (Полина) Сергеевна Уварова (1840–1924), почетный член Петербургской академии наук (1894 г.), Российского археологического общества (1892 г.) и Московского университета (после революции эмигрировала в Сербию).

Примечательными являются основные положения, выделенные П. С. Уваровой в автобиографии, в которой прежде всего говорится о родителях и учителях. Вот что нашла необходимым сообщить о себе и о своей деятельности графиня П. С. Уварова: *«Родилась в Малороссии в с. Бобрики, родители: отец — князь Сергей Александрович Щербатов; мать — Прасковья Борисовна Святополк-Четвертинская; имели 9 детей, жили бедно, поэтому отец устроил сахарный завод. Мать любила цветы, занималась воспитанием и благоустройством крестьян. В 12 лет вместе со старшим братом выехала в Москву. Учителей имела хороших: по словесности Буслаева, по музыке — Рубинштейна»*. Далее она подчеркнула значение домашнего воспитания и то, что, как старшая, учила младших, поэтому привыкла к труду.

«В 1856 г. впервые выехала в свет; вышла замуж за графа в 1859 г. Он был старше на 17 лет; служил тогда Товарищем попечителя Московского учебного округа. Через месяц уехали в Италию на 2 года: Рим, Неаполь, были и во Флоренции. Граф работал в Ватиканской библиотеке <...> в библиотеке отмечала страницы, которые могли пригодиться графу для работы. Во время раскопок делала обмеры, записывала вещи.

В 1861 г. с введением мирового института жили 8 лет в Можайском уезде с. Поречье; граф пошел в уездные предводители дворянства. Первым поднял вопрос об устройстве попечительства при школах, о возможности преподавать учительницам. Он ценил роль женщины в обществе, поэтому [она] занималась всеми его делами. Это повлияло и на воспитание детей.

В 1864 г. основано МАО, граф руководил научными делами, она — выставками и перепиской. Занималась этим в Поречье и во время наездов в Москву. Работ немного, каталог собрания Древностей графа Уварова, заметки по Кавказу, Христианские памятники Кавказа, Могильники Северного Кавказа, Описание ризницы Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле, ряд сообщений на съездах».

Графиня отметила также, что заведует Уваровской женской прогимназией в Можайске; сохранила попечительство в ряде уездных училищ, ведет борьбу против церковно-приходских школ и разрушения Древностей Синодом².

¹ О нем см.: *Формозов А. А.* А. С. Уваров и его место в истории русской археологии // Российская археология. 1993. № 3. С. 228–245.

² *Уварова П. С.* Автобиография. 1901 г. // Арх. ГИМ ОПИ. Ф. 17. Ед. хр. 575. Л. 1.

В числе дел, отмеченных председателем МАО, не упомянута научно-организационная работа. К числу таковой относится публикация первого обобщения результатов раскопок в Херсонесе. Правда, работа над «Памятниками христианского Херсонеса» началась позднее, чем была написана автобиография, и в этом издании должен был принять участие тобольчанин Х. М. Лопарев¹. Вот что писала по этому поводу П. С. Уварова в дневнике: «1902 г. На Харьковском съезде договорилась с [Д. В.] Айналовым² и [Е. К.] Рединым³ о разработке Херсонесских Древностей и нашла у них полное сочувствие этому»⁴. В дневниковой записи за 1905 г. она отметила, что «с 30 марта по 5 апреля была в Петербурге, видела материалы, собранные Айналовым. Мы с ним говорили и имели совещание с Я. И. Смирновым⁵ и [М. И.] Ростовцевым (Мальмберг⁶ уже ушел, Жебелев отговорился). Говорили много, спорили, нападали на Айналова с целью отнять у него охоту работать, но под конец совещания постановили, однако ж, что Смирнов и Ростовцев могут обещать совместную обработку для издания: мелкие вещи римской и греческой эпох, т. е. лампы, золотые вещи, terra sigillata, поливную глину, причем Ростовцев насмешливо замечал, что он готов работать, не ожидая содействия Смирнова. Серг. Алек. Жебелёва⁷

¹ Лопарев Хрисанф Мефодиевич (1862–1918) — ученик академика В. Г. Васильевского; знаток византийских житий; специалист в области древнерусской литературы и истории; публикатор средневековых греческих и славянских памятников; им была создана работа «Греческие жития святых VIII–IX вв.» (Петроград, 1914), которая не входила в серию «Памятники христианского Херсонеса». О нем см.: *Заливалова Л. Н.* Х. М. Лопарев: Ученый и его рукописное наследство // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 213–225.

² Айналов Дмитрий Васильевич (1862–1939) — ученик Н. П. Кондакова по Новороссийскому университету, с 1890 г. приват-доцент Казанского, с 1899 г. — профессор, в 1903–1917, 1923–1927 гг. — профессор Петербургского/Ленинградского университета; член МАО; сотрудник ЖМНП; заведующий разрядом археологии искусства средневекового Запада Археологического отделения ГАИМК (1921–1929); специалист по византийскому и древнерусскому искусству. Его диссертация, которую он писал во время зарубежной стажировки, посвящена памятникам Равенны. О нем см.: *Банк А. В.* Д. В. Айналов (1862–1939): некролог // Сборник Государственного Эрмитажа. 1940. Вып. 2. С. 28.

³ Редин Егор Кузьмич (1863–1908) — профессор Харьковского университета; организатор 12-го археологического съезда; историк христианского искусства. О нем см.: *Успенский А. И.* Памяти Е. К. Редина // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1913. Т. 19.

⁴ *Уварова П. С.* Дневник // ГИМ ОПИ. Ф. 17. Ед. хр. 574. Л. 156 а.

⁵ Смирнов Яков Иванович (1869–1918) — ученик Н. П. Кондакова; специалист в области древнехристианского и византийского искусства; хранитель, затем старший хранитель в Эрмитаже в Отделении Средних веков и эпохи Возрождения (1898–1918); приват-доцент кафедры теории и истории изящных искусств историко-филологического факультета Петербургского университета; действительный член РАО, заведовал Русским отделением РАО в 1898–1912 гг.; академик РАН (1917 г.). О нем см.: *Жебелёв С. А.* Яков Иванович Смирнов // *Seminarium Kondakovianum*. 1928. № 2. С. 1–16; *Тункина И. В., Фролов Э. Д.* Три неизвестных мемуара С. А. Жебелёва // Вестник Древней истории. 1993. № 3. С. 182–191.

⁶ Мальмберг Владимир Константинович (1860–1921) — историк античного искусства; специалист в области древней пластики.

⁷ Позднее была издана большая работа С. А. Жебелёва, посвященная античной истории Северного Причерноморья, одновременно он работал над главами для «Всемирной истории». В исследовании С. А. Жебелёв рассматривает такие сюжеты: Херсонесские этюды, IV. Херсонес и местное население: тавры // Вестник Древней истории. 1949 № 4. С. 75–86; Херсонесские этюды, V. Херсонес и местное население: скифы // Там же. 1950. № 2. С. 48–56; Херсонесские этюды, VI. Херсонес и Керкинитида // Там же. № 3. С. 37–47.

решено просить заметки о культуре и территории, Хрис[анфа] Меф[одиевича] Лопарева о библиографии»¹.

Значительной организационной работы требовало проведение археологических съездов, способствующих не только обсуждению научных проблем, но и распространению информации о памятниках среди местного населения². Свидетельством значимости деятельности МАО в развитии региональных археологических исследований до некоторой степени является записка сотника Нестерова о раскопках в Донецкой области. Примечательно, что она адресована не в правительственный орган, ведающий раскопками — Императорскую археологическую комиссию, а в МАО. В документе отражена социальная проблема: предоставление возможности заработка мигрантам, лишившимся средств существования в родных местах из-за разразившегося голода (1891 год был неурожайным в центральных районах России), и осознание значения раскопок для воссоздания истории того или иного региона и привития любви к родному краю.

Сотник Нестеров. «О раскопках в Донецкой области»³

«Юг России богат памятниками, которые сильно уничтожаются, особенно сейчас. Приходилось мне видеть, как власти, имеющие циркуляр о сохранении раскопок, пользуясь своей властью, разрешали людям, не имеющим понятия о науке, производить их, вывозить бабы и пользоваться случайными находками для сбыта их иностранцам или евреям, которые, купив за бесценок, перепродавали Археологической комиссии за громадные деньги. Изыскания дадут громадные открытия. <...>

Лишать науку дальнейшего развития, не производя полезных изысканий, жалеть средства на них, не обогащать хранилища Древностей коллекциями — все это непротитительно для каждого любящего науку, свою родину, а следовательно, ее Древности.

Раскопки стоят дорого, средства правительство отпускает немалые. Но что значат все эти средства, если взять во внимание громадную территорию, занимаемую Россией, и громадное количество памятников, находящихся на земле русской?

Нужно дать науке толчок — сохранить памятники от расхищения, в эту тяжелую годину, когда каждый стремится помочь беднякам, дать голодающим работу. Они принесут пользу и правительству, и науке, и голодающим <...> [организовать] раскопки курганов и малоисследованных городищ и колоний [Северного Причерноморья]. (Л. 32)

Начать работы с 15.02.1892 г. и до 01.08 — тогда для предстоящего конгресса доисторической археологии и антропологии будет много материала у тех, кто будет ими руководить».

Далее автор отметил, что производил на собственные средства раскопки в 1889 и 1890 гг. и видел, что «рабочие, приходя в лаптях и без белья, а иногда и без верхнего платья, через 2 недели одевались, не пропивающие заработок, посылали еще домой. Работали мордовцы из Самарской губернии, киевские оболянцы, которых набирал на базаре по 80–100 человек на каждый курган, плата по 50–80 коп. <...> Хлеб или деньги на него,

¹ Уварова П. С. Дневник. Л. 156.

² В числе заслуг П. С. Уваровой следует упомянуть и то, что благодаря ее обращению к императору Александру III, в котором она призывала спасти Херсонес — «Русскую Помпею», были начаты систематические раскопки под эгидой Императорской археологической комиссии в Херсонесе. Правда, отмечая заслуги графа Уварова, исследовавшего одну из базилик в 1853 г., стремилась доказать право производить раскопки городища представителями возглавляемого ею общества.

³ Нестеров, сотник. О раскопках в Донецкой области // Арх. ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Ед. хр. 561. Л. 32–37.

данные в виде милости, приучают к лености и тунеядству, а лень порождает массу пороков.

Если производить раскопки в 10 пунктах, в каждом по 200 человек, то в течение пяти с половиной месяцев 2 000 человек из неурожайных губерний будут обеспечены работой. Правительству принесет пользу обеспечить их продовольствием, дать возможность обернуться для продолжения погибающего хозяйства. Выписывать партии рабочих с неурожайных мест нет смысла, все мало-мальски могущие работать двинулись на юг и в любом городе, станице можно найти желающих работать. Те, кто будет заведовать в 10 пунктах, должны быть знакомы с историей и археологией той местности, где будут вести раскопки; кроме наличия у них научной подготовки, они должны иметь опыт в строительных работах, и не быть местными жителями. Все это необходимо, чтобы избежать несчастных случаев от обвала вследствие ошибочных просчетов, для сбережения средств для жительства на месте работ, где из подручного материала необходимо соорудить жилье, обеспечить ночлег партии рабочих.

Те, кто ведет работы, должны жить на месте. Вот почему. Осмотрел много работ, производившихся за последние 25 лет, и знаю из уст рабочих, что работы производятся в отсутствие лиц, возглавляющих работы, (Л. 33) которые приезжают изредка на курганы из ближайших селений, по вызову подрядчика или старшего рабочего только тогда, когда показывается скелет с вещами. А пока он ехал, рабочие рассматривали вещи, клали их иначе, а иногда расхищали. При таких обстоятельствах не может быть научного отчета, не выясняется, что в кургане положено с самого начала, что потеряно лицами, делавшими насыпь. Как можно не видя, описывать порядок насыпки земли, слоя кургана. Рабочие, не видя заведующего, работают хуже, а подрядчик, получая куртаж с них, начинает покрикивать, завидя заведующего. Поэтому необходимо присутствовать на месте, и руководители должны быть полны энергии и здоровья, ввиду многих лишений, как в помещении, так и в пище.

Объекты успешных исследований:

1. У Астрахани — найти древний Атель, исследовать курганы на юге Дона, Ставрополе и Астрахани с целью изучения древних массагетов.

2. Судак (греческая Лапира), даже с самого верха масса материала; плиты с надписями пошли на строительство костела, нужды жителей. Затем восточный берег Крыма, до Гурзуфа и Феодосии.

3. На севере Симферопольской губернии, от Бердянска до Херсона, и от Перекопа до границ Екатеринославской губернии. (Л. 34)

4. Исследование курганов и городищ от Мариуполя до Никополя.

5. По Волге, от Камышина через Царицын до Горного Яра.

6. Юг Донской области — Дон, Маныч, Сал, Донец.

7. Майкоп: по морю от Ейска до Темрюка.

8. Новороссийск — до Поти и по Риони.

9. По Тереку — от Кизляра до Нальчика.

Поскольку требуется научная подготовка у тех, кто будет вести работы, нужно, чтобы выбирали сами [объекты раскопок].

Для успеха дел нужно:

1. Содействие местных властей: а) помочь доставить палатки, материал дешевле или безвозмездно, за счет пожертвований; б) устроить рабочим дешевое питание; снабжать топливом; г) чтобы фельдшер являлся сразу по вызову.

2. Чтобы было распоряжение о бесплатной посылке по почте вещей в Императорский Исторический музей или адрес конгресса.

3. Дать заведующему раскопками открытые листы на право пользования лошадыми без прогона. (Л. 35)

4. Доверенное лицо из местных властей — вести опись вещей.

5. Должен быть полицейский.

6. В случае редких находок, по желанию заведующего [раскопками], давать конвой до почты или железнодорожной станции.

К инструкции проф. Самоквасова¹ следует прибавить совет об измерении окружности и высоты курганов, приложить 3 образца бланков для ведения журнала, описания работ и описи вещей.

Создать комитет для общего руководства. (Л. 36)

Расходы в 191 450 руб. Эту сумму легко собрать за 1 день в Москве в виде пожертвований или выхлопотать из 60 млн, отпускаемых правительством на нужды голодающих». (Л. 37)

В неурожайные годы усиливалось кладоискательство, на что было обращено внимание проходившего в Киеве в 1899 г. Археологического съезда, о чем говорится в Рапорте председателя ИАК А. А. Бобринского в Министерство Императорского двора от 18.10.1899 г.: «Кладоискательство в этом году было особенно удачным и обратило внимание съезда в Киеве, неурожай заставил крестьян искать счастья в раскопках»².

Правда, при этом граф Бобринский не преминул заметить в отношении деятельности соперничавшего с Археологической комиссией Московского общества, что «научное дело вытеснено дилетантизмом, дешевым блеском поверхностных знаний, что не удивительно, если принять во внимание состав съезда. Членом съезда может быть любое лицо, уплатившее 4 руб. за билет. Отсюда не более 20 археологов, остальные случайные люди. Отношение гр. Уваровой сводилось очень часто к вопросам личного свойства. На первом плане самолюбие, желание, чтобы все разрешалось председательствующим ею МАО и нетерпимость к какому-либо другому археологическому учреждению. К Археологической комиссии относится прямо-таки враждебно, протестуя против ее прав и законов, установленных к упорядочению дела раскопок и реставрации». От нежелания МАО в установлении порядка реставрации занимаются [ею] три власти: Археологическая комиссия, Духовные Власти и гр. Уварова. Местные власти не знают к кому обращаться и кого слушать, кроме того в области археологии, как и везде, существуют лица, готовые воспользоваться смутой для личных выгод. Им открыто свободное поле деятельности, поэтому необходимо точно определить власть каждого из ведомств.

Для МАО, как и всех археологических обществ, следует установить определенный район действий, в коих оно будет самостоятельно. Но в других частях оно не должно распоряжаться без разрешения правительства. К району влияния МАО не следует

¹ В инструкции Д. Я. Самоквасова отмечено, что научные раскопки подобны изданию письменных источников, но неполнота не может быть исправлена, так как памятники уничтожаются во время раскопок, поэтому большое значение имеет правильное ведение дневника, описание формы, величины кургана, местности, запись преданий о происхождении и историческом значении памятника. См.: Самоквасов Д. Я. Инструкция для научного исследования курганов // ИТУАК. 1888. № 4. С. 57–62. Особенно подчеркнул значение чертежа, на который должны быть нанесены все находки, А. П. Богданов. См.: Богданов А. П. Дополнение к инструкции по раскопке курганов // ИТУАК. 1888. № 4. С. 62–66.

² Бобринский А. А. Рапорт в Министерство Императорского двора. 1899. 18 окт. // Арх. ИИМК. Ф. 1/1899. Д. 99. Л. 9.

причислять Ольвию или иного места на Юге России, так как в МАО нет лиц, которым возможно было бы поручить это дело. В виду нападения гр. Уваровой следует несколько подробнее остановиться на значении Археологических обществ. Состав их случаен, практиков-археологов в России немного, лиц, умеющих правильно вести раскопки, едва ли более 10 человек, из них в МАО 2–3 человека. В основном это люди, занятые служебными обязанностями и не могут много времени отдать археологическим изысканиям. <...> Гр. Уварова на археологическом съезде заявила, что МАО уже несколько лет могло получить разрешение производить здесь раскопки (в Ольвии. — А. Р.), но за невозможностью найти людей и средств, предпочло представить Ольвию расхищению кладоискателей, чем уступить дело Археологической комиссии»¹.

В 1900 г. ИАК приступила к раскопкам в Ольвии, где, как писал А. А. Бобринский, «Графиня Мусин-Пушкина давно обратила внимание археологов на себя, но правильных раскопок на ее пепелище не было. Запрещала до сих пор Одесскому обществу истории и Древностей и Археологической комиссии вести раскопки, но тайные процветали на ее землях. Расхищению подвергается некрополь, расположенный на крестьянской земле. Добывание Древностей стало выгодным делом и дало возможность установиться в Николае и Очакове, известной еврейской фирме братьев Гохманов, которым крестьяне приносят вещи. Гохманы перепродают вещи любителям старины и в музеи — Эрмитаж, Исторический музей. Многие вещи попали в частные коллекции Сурчана, Лемме и др. Гохманы занимаются и фальсификацией, из их мастерских происходит скифская тиара, наделавшая столько шума и купленная Лувром за 200 тыс. франков»².

Взаимоотношения между ИАК и МАО не были простыми, но вместе с тем экспозицию Исторического музея пополняли находки из раскопок ИАК, правда, список отобранных артефактов в каждом отдельном случае должен был быть рассмотрен в Комиссии³.

Показательно, что хотя и, согласно замечанию А. А. Бобринского, «местные власти в деле раскопок не знают к кому обращаться», проект раскопок на юге России сотник Нестеров из Донецка отправил в Московское археологическое общество, можно полагать, что он был среди тех «случайных людей», кто посещал регулярно проводимые МАО археологические съезды, но, несомненно, принадлежал к числу представителей служилой интеллигенции, осознававшей значение памятников древности для воспитания гражданственности и любви к родному краю.

*Алла Ильинична Романчук,
д. и. н., профессор,
Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия*

¹ Бобринский А. А. Рапорт в Министерство Императорского двора. 1899. 18 окт. // Арх. ИИМК. Ф. 1/1899. Д. 99. Л. 10–11.

² Там же. Л. 9.

³ В одном из писем заведующему раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжиничу А. А. Бобринский в отношении отобранных для Исторического музея находок писал: «Список этот Вы представите мне, и только после моего утверждения (или утверждения Комиссии) вещи могут быть перевезены в Москву». См.: Бобринский А. А. К. К. Косцюшко-Валюжиничу. 1895. 28 июля // Арх. НЗХТ. Д. 39. Л. 109.